

Протоиерей Алексей Потокин «о терпении боли»

Священник Алексей Потокин, сам страдающий от тяжелой болезни, дал нам очень глубокое, интересное интервью о том, как облегчить терпение страданий при болезни духовными средствами.

Даже больной человек должен быть счастливым.

Все мы понимаем, что телесное страдание действует не прямо, а всё-таки при участии сознания. Оно может ослабевать и усиливаться в зависимости от нашего отношения к этому страданию. Так вот, если вдуматься, вчувствоваться в это страдание, которое нас мучает при болезни, — что на самом деле нас мучает? Нас мучает боль физическая, сама болезнь, какие-то мысли, которые возникают у нас по поводу этой болезни? Что усугубляет нашу боль?

— Жизнь испытывает человека со всех сторон. Она может мучить и духом, может мучить какой-то душевностью, а может непосредственно уже болью тела. Здесь нужно учитывать, каков человек. Наше нормальное, естественное состояние — это плотской человек. Т.е. для любого человека (верующий он или неверующий) чувствительней то, что происходит в материальном мире.

Хотя можно слышать от каких-нибудь людей, что для них самыми тяжелыми были нравственные переживания. Я им не очень верю. Если на это нравственное страдание наложить еще и физическое, поковырять булавочкой в кости, то нравственное страдание заглушится. Поэтому, раз мы плотские, то и страдания плотские для нас заметнее и намного тяжелее.

Можно пройти путь, в конце которого плоть будет немощна, а дух будет животворить, и состояние души будет покрывать все страдания плоти. И человек, даже страдая, будет счастлив. Т.е. ему не нужно будет ни терпеть, ни прикладывать какие-то особые усилия для того, чтобы заглушить эту физическую боль. За всю жизнь можно встретить или в литературе, лицом к лицу, или по жизни одного или двух человек, для которых физическая боль уже отступила — она для них не главная. Для нас боль нашего тела превалирует.

Само по себе состояние боли, страдания для человека противоестественно, потому что он не был задуман человеком страдающим, он должен был стать человеком счастливым. Заповеди христианские — это заповеди блаженства. А в блаженстве не может быть этого. И эта противоестественность воспринимается существом человека как нечто несправедливое, невозможное, нечестное. Глубоко внутри душа чувствует, что можно без этого. И это усиливает трагедию.

Я могу описать спутников этой боли, которые будут усиливать эту боль. Один из первых спутников — это обида: на жизнь, на Бога, на самого себя.

Когда к физической муке добавляется еще и душевная, духовная — эта мука начинает расти и может довести человека до самого края, до отчаяния и до полного нежелания жить. Если у нас бывали такие вспышки — пусть даже это состояние непостоянно — когда человек говорил: «Когда же это закончится?! Сколько мне терпеть? Хоть бы мне умереть поскорее...» В человеке всё-таки душа и тело крепко-накрепко связаны, и если душа дает приказ телу: «Тебе лучше не жить», то даже врачам бывает трудно помочь такому человеку.

— Насколько облегчение нашей боли зависит от близких?

— Если я в болезни чувствую себя одиноким: «Я никому не нужен. Я пропадаю» — боль усугубляется. Потому что это ложь. Когда у меня сильно болит, я не могу проверить, как вы ко мне относитесь — я этого не замечаю, я становлюсь слишком груб. Поэтому люди больные, страдающие часто бывают несправедливы к окружающим, резко требовательны, скандальны. Приступы боли сопровождается клеветой на всех, кто рядом. Но это несправедливо. Да, близкие не могут сейчас исцелить, помочь, но это не значит, что они не сочувствуют, не значит, что они не трудятся. И когда человек допускает такую клевету, оскорбления на своих ближних, то одиночество увеличивается и боль усиливается.

Мы облегчим свои страдания, если будем вести себя противоположным образом. Я знаю, что обо мне заботятся, и я стараюсь громкость своего крика. Я ста-

раюсь давать окружающим маленькие передышки. И, притом, что я кричу, что от меня смердит, что я приношу много страданий моим близким, — потому что помощь такому человеку это тоже страдание, — тем не менее, им становится легче. И их легкость придает силы и мне. Оказывается, это взаимность.

Да, есть болезни, которые почти совсем не дают передышки. Но, когда бывают секундочки передышки, боль на секунду смягчается, отступает, — пусть даже с человеческой помощью — мой труд терпения, когда я не кричал, не капризничал и т.д. — он вдруг делает общение совершенно счастливым: мы чувствуем, как мы близки, как нужны друг другу. Болезнь тогда перестает быть могильной плитой, трагедией. Мы вместе.

В болезни хочется полного освобождения от страданий. Но в эту секундочку передышки, пока нет давления больной плоти, скажем себе, что маленькая помощь других людей для меня драгоценна, что меня не оставили. Ведь вы посмотрите, как мир развивается — он становится подлым, людей списывают, выкидывают, забывают. А тут, пусть даже ругаются, но мучаются со мной — это уже много...

Я сейчас скажу вещь, которая, может быть, кого-то обидит: даже больной человек должен быть счастливым.

Человек может так достойно умирать, что многие живые будут завидовать ему и говорить: «Я так не живу, как он умирает».

— Что значит «должен»? Кому он должен быть счастливым?

— Он должен быть счастливым по природе своей. Т.е. это долженствование не приказ, не какое-то указание откуда-то. Вот, легкие должны что-нибудь делать? Для них естественно дышать. А для человека естественное состояние — это состояние блаженства, счастья. И если я выпадаю из него, я уже начинаю страдать, когда еще тело не болит...

Поэтому считать боль помехой, считать ее врагом и не считать ее природой. Да, с одной стороны — я болею, но с другой стороны — состояние болезни остается глубоко чуждым для меня, его не должно быть.

— А разве согласиться с болью не значит согласиться с тем, что я грешный человек?

— Нет, не обязательно. Есть в Евангелии одно глубокое место, когда спрашивают у Христа: «Почему этот человек болен? Кто согрешил — он или его родители?» Ответ такой: «Ни он, ни его родители».

Может ли человек защитить другого и при этом получить тяжелую травму? Он на секунду забыл про себя, своей жизнью принял удар смерти и дал возможность жить другому.

Но взамен этому он получает страдания до конца жизни. Разве это наказание за грех?

Есть много страданий, в которых не видно нашего греха. Любой родитель знает, что ребенок принесет

страдания. И несмотря на это, мы стремимся к тому, чтобы стать родителями. В жизни страдания неизбежны. Если я соглашаюсь жить — я соглашаюсь на мучения. Так что, боль в нашем умирающем мире не только от греха — это согласие жить.

— Некоторые люди от тяжелых страданий болезни жаждут уже любого ее прекращения. Хотя бы и вместе с жизнью.

— Я считаю, что терпение, которое только ждет, когда всё закончится, — это скорее малодушие и трусость. А есть терпение другое, которое говорит: на меня сейчас навалилась мука этой жизни, я сколько смогу — вытерплю. Как воины в Брестской крепости — окружены, сопротивление безнадежно — и всё-таки они сопротивлялись. А кто скажет, что зря? Хотя все умерли, их захватили и т.д., и ничем, казалось бы, не помогли.

И вот, если человек ощутит себя такой Брестской крепостью, скажет: «Я не буду сдаваться наступающей тьме, я не буду ей подчиняться. Это великий труд, за который не платят. Я убежден, я благодарен тем людям, которые терпели хотя одно мгновение, они помогли мне». Как только мы сдадимся и скажем: «Всё, я согласен умереть, я больше не могу терпеть эту боль» — боль этого мира хлынет на меня и на других.

Т.е. я убежден в глубоком единстве людей, и я уверен, что человек, который не сдается, а сопротивляется какими-то, даже самыми слабыми своими усилиями — он дает мне неоценимую услугу — он за-

щищает меня от той тяжести, которая обязательно ляжет и на меня.

Многие люди замечали, насколько легче им жилось, пока у них были живы родители, особенно отец. Пусть с отцом они поругались, пусть они враги, пусть они прокляли друг друга, пусть один живет на северном полюсе, а другой на южном, умер отец — и детям становится тяжелее. То, что он нес в этой жизни, то, чему он сопротивлялся, теперь ложится и на них. Есть эта тяжесть, несение ответственности перед жизнью. Одно дело, когда есть тот, кто тебя покрывает — хочет он того или нет, но он покрывает, пока жив, — и другое дело, когда ты встаешь лицом к лицу с этой тяжестью.

То же самое и с болезнью. Если человек согласен не подчиняться болезни — он делает мне великое, он мою жизнь избавляет от тех страданий, которые усугубят моё положение. Спасибо ему. Там, где есть борьба, обязательно есть Бог. Если он не уступил борьбе, хотя бы какое-то время — для меня, безусловно, это Божий человек. Человек, соглашающийся терпеть болезнь и не умереть сразу, для меня это человек, который стоит на стороне Бога и трудится ради света.

Что значит не согласиться с победой боли, с победой страдания? Это выражается молитвенно в жизни христиан. Сейчас уже это подзабыли, а раньше христиане говорили: «Ей, Господи, гряди». «Ей, Господи, гряди» — это ожидание второго пришествия и начало жизни, которая победит эту боль. В «Символе веры» сказано: «Чаю жизни будущего века». Вот это

«чаю» означает, что я надеюсь на жизнь будущего века, она мне желательна. Т.е. есть жизнь этого века — страдательная, и я знаю, что есть жизнь другая, я жду ее.

Поэтому «Ей, Господи, гряди», т.е. приди к нам. Не надо торопить конец света, но приход Бога, когда Он всех изымет из этого страдания, из этого ада — конечно, он желателен. «Ей, Господи, гряди» — это восстановление той самой блаженной жизни, в которой не будет боли. Но Бог может прийти к нам не только потом, но в любой момент.

Часто мы связываем прекращение боли с полным исцелением. Человеку трудно представить, что если кто-то до конца разделит с ним его страдания — это уже не будет состояние отчаянной тяжести, состояние может быть благодатным. Мы думаем, что Христос со мной только тогда, когда Он волшебной палочкой махнет — и у меня все язвы прошли. А если Он говорит: «Я с тобой, с твоими язвами. Я сам страдаю»?

Страдание может помочь нам достичь блаженства не только в единении с Богом, но и в единении с близкими людьми.

Владыка Антоний Сурожский пишет, что когда его мать умирала, не было счастливей времени. Потому что это были единственные годы, когда они по-настоящему были вместе. Он научился дорожить каждым днем, каждый день он ее видел, и общение их было удивительным. Он эту ее болезнь, умирание и смерть воспринимает как один из самых светлых

периодов в своей жизни. Посмотрите, во многих воспоминаниях он останавливается на этом.

— Я сам, слава Богу, никогда не испытывал очень сильной боли. Но, возвращаясь к теме о зубной боли: я всегда боялся боли и просил всегда обезболить, когда что-то делали с зубами. А однажды я провел эксперимент и с тех пор при любой боли пользуюсь этим способом. Способ такой — вспоминать свои грехи и представлять себе, что я этой болью искупаю этот грех. Сразу же становится легче терпеть. На физическом уровне боль, может быть, остается такой же, но терпеть ее гораздо легче, она как бы не ощущается, она где-то уже вовне.

— Да, безусловно, грех — это уже страдание, это приносит боль. Вспомнить в болезни свои грехи, попросить прощение — очень полезно. Сразу будет легче.

Поискать возможность своих неправд — ну, это очевидные вещи, которые уже навязли. Я просто хотел сказать, что всюду видеть, что страдания связаны непосредственно только с грехом — это неправда. Хотя 99% связано с нашим грехом. Эта целая огромная тема — объяснить, что такое грех.

Потому что о грехе думают, как о нарушении какого-то Небесного уголовного кодекса. Нет. Грех — это всегда подлость, это всегда предательство, грех — это всегда убийство другого человека или себя самого.

Да, конечно, если человек неожиданно для себя заболел и мучается — вспомни, скольких ты обидел, к скольким ты был равнодушен, как ты презирал

больных, боялся их и прятался от них. Всё это нужно вспомнить. В совести своей судить себя, если не можешь в храм прийти. И не только это, но и многое другое: сколько выплескивал раздражения, сколько яда было, зависти...

Есть еще ужасное чувство ревности, когда я требую от другого любви к себе. Ревность сжирает хорошее — тебе и так дают хорошее, а ты говоришь «мало». Человек не может, он болен, может быть, а ты: «Давай, живи, действуй, трудись, лобызай меня!» Я прошу, требую и настаиваю. И когда у меня поток таких требований и к людям, и к Богу — это ревность. Ревность это душа не сытая, алчная, жадная. Конечно, за это обязательно потом будет расплата — страдания.

Ну и зависть. В чем патология этой болезни? А в том, что я мучаюсь от чужого добра. Представьте, вы родной мне человек, и пусть даже что-то несправедливо вам жизнь дала хорошее. Естественное моё чувство будет радость за вас. Это действительно уже раковая какая-то опухоль в душе, когда счастье другого для меня становится злом.

В большинстве случаев боль связана с какой-то моей подлостью, неправдой, которую я совершал в жизни. Но я могу не считать ее подлостью. Скажем, риск. Сколько людей рискует своей жизнью ради адреналина, ради каких-то острых ощущений? Тебя для другого рождали. Если ты защищаешь кого-то, то пожалуйста — рискуй, а просто так, от скуки, играть своей жизнью ты не имеешь права. Если глубоко посмотреть, ведь и курение, и выпивка нужны людям

тогда, когда им скучно. Я убежден, что человеку влюбленному, обладающему взаимностью, некогда затягиваться папиросой. А когда с любимым стало скучно, когда не хватает добрых чувств, тогда нужно их усиливать водкой или еще чем-нибудь.

Поэтому, в подавляющем большинстве можно увидеть тот путь, которым мы наши болезни усиливаем. Можно проверить. Я думаю, что если люди не будут обидчивы, они проверят это: когда мы смеялись или были равнодушны к чужой беде — к нам это вернется. То, чего ты желаешь другому, вернется к тебе. А этого у нас много: много сплетен, много всего...

— Чтобы освободиться от этих грехов, которые, скорее всего, являются глубинной причиной нашей болезни и боли, нужно перестать их делать и раскаяться в них?

— Есть одно таинство удивительное в Церкви, которое признает болезнь и телесную, и духовную — таинство исповеди. Если бы я умел исповедоваться до конца, честно, то Бог бы меня на этом месте исцелил. Я вижу, что не могу этого сделать, душу свою не могу открыть. Понимаю, что многих грехов в своей жизни я не помню...

И вдруг я понял, что я беспомощен, я даже не могу высказать, что я творил. И я тогда иду на Таинство Елеопомазания, где мы просим многократно, чтобы ведомое и неведомое из моей жизни ушло, забытые грехи простил Бог. Но здесь опять есть камень преткновения — взаимность. Если я согласен так для се-

бя просить, я должен просить и для других, и уметь прощать их за ведомое и неведомое.

Мы обычно в этих просьбах бываем односторонни: «Мне-то подай — а про этих я думать не хочу». Милость дается только тем, кто сам постоянно оказывает милость.

— Если боль напоминает человеку о его грехах, зачем нужно рассматривать эту боль как какую-то злую силу?

— К боли нужно двояко относиться. С одной стороны знать, что она противоестественна, а с другой стороны сказать: «Спасибо тебе. Если бы не было тебя, я бы никогда не вспомнил, что я бывал подлецом». Поклониться даже ей можно.

Боль — это уже некая данность, может, даже некий мой друг. Для многих дико это прозвучит. Когда приходит секунда, которая освобождает тебя от боли, если сказать: «Боль, спасибо тебе» — это очень сильно помогает в дальнейшей жизни.

— Вы живете с тяжелой болезнью, наверняка у вас есть какие-то вещи, приемы, которые вы внутри себя делаете, когда бывает особенно плохо.

— Я не могу это каждому порекомендовать — не каждый это сможет, и я в свое время не мог, — но я всегда стараюсь молиться. Если есть молитва, это совсем другая жизнь. Мне жалко многих, у которых не болит и с которыми не происходит того, что сейчас

происходит со мной. Потому что у меня болит, но Бог со мной.

Когда теряется молитва, то признать это, сказать: «Господи, забыл про Тебя».

Вы спрашиваете о практике. Сейчас для меня это самый действенный, самый счастливый прием — мне очень помогает Причастие.

— Вот, молитва. Молиться ведь тоже можно разными словами, можно молиться: «Господи, избави меня от этой боли», а можно как-то по-другому молиться.

— Да. Обратите внимание, что когда просили исцеления люди, о которых нам рассказывает Евангелие, они просили так: «Помилуй меня». Исцеляя, Он отвечал не просто «ты будешь прощен, исцелен», а: «вера твоя спасла тебя».

Т.е. оказывается, что с исцелением человек может получить спасение. Само Евангелие говорит о том, что просьба должна содержать признание человека, что это не обязанность Бога.

Это милость, это настоящее снисхождение, если Он нас исцеляет, умиряет нашу боль. Поэтому, первая просьба — не на устах даже, а где-то в сердце: «Помилуй мя». И в этом есть признание и своей неправоты, и всего остального.

Есть такая притча о бревне и соломинке. Когда Христос говорит: «Лицемер, вынь прежде бревно из своего глаза, и увидишь, как вынуть сучок из глаза брата

твоего». Я думаю, что бревно, которое нужно вынуть, — это непонимание милости Бога.

Если ты увидишь, что Он милостив — Он и тебе поможет, и ты сможешь другим помочь. Так что, приятие милости и желание ее — не просто какого-то холодного действия, отстраненного выполнения правила: «Сделай это — и получишь» — приятие человеком либо исцеления, либо какого-то ослабления от болезни — это личная встреча с милующим Богом.

— Как же увидеть Его милость в этой болезни?

— Если вы способны видеть милость от людей, то и от Него увидите.

— Но люди мне не посылают такой болезни, а вот Бог...

— Ну, не скажите. Когда поправляют мне подушки — мне больно, когда меня волокут туда — мне больно. Люди посылают мне это, они меня не понимают, и им не объяснишь.

Нет той нежности, нет той чуткости, сколько раз им приходится объяснять, что нужно сделать...

Нет, мы страдаем и от них, и от Него — это всё едино, никогда не разделить. Если мы говорим о Боге — мы говорим и о людях, если мы говорим о людях — мы обязательно говорим и о Боге.

— Как увидеть Его милость?

— Нужно посмотреть сначала на себя — миловал ты кого-то или нет, прощал ты кого-то или нет. И потом посмотреть — догадались люди, что ты их помиловал или нет. Если ты за свою жизнь ни разу никого не помиловал, я думаю, что ты милость от другого не заметишь. Пожалей кого-нибудь, помилуй сейчас — нет такого положения, когда я не мог бы помиловать.

Есть крайнее средство для жестких сердец — это подание милостыни. Что оно означает? Не то, что я должен этого человека прокормить — нет. Передо мною сидит вор и преступник, который в банде, который обирает людей; его выкатывают утром, скажем, в метро, а вечером забирают. Я ему подаю мелочь, свидетельствуя о том, что я прошу милости от тебя, Господи, ко мне, бандиту, как я, не рассуждая, даю этому недостойному. Помилуй меня, недостойного.

Почему нужно подавать милостыню? А потому что я сам немилостив. Я требую снисхождения к себе, жуткому бандиту. Про это и Иоанн Кронштадский говорил и призывал к этому. Иди, подай.

Вот ты лежишь, есть какие-то копейки — пойдешь, раздай этим нечестным, бомжам и т.д. (только, чтобы они не выпили — хлебом или еще чем-то — но не нужно их соблазнять).

Именно взаимность помогает Богу действовать в нас. И если вы никогда не соглашались, не хотели дружбы, то вы не заметите, что Бог с вами дружил. Если вы никогда не хотели быть отцом — вы никогда не заметите, что к вам относились по-отечески.

Между прочим, Евангелие о какой милости говорит. Вот был жуткий человек, бандит — начальник налоговой полиции. И этот бандит сказал: «Кого обидел, тому возмещу четверицею». Т.е. он не мог принять милость, понимая, что он сам был немилостив.

Всё-таки о чем в Евангелие сказано: смерть — это одиночество, жизнь — это принятие единства. Если хочешь жизни — будь взаимен. Без взаимности ты останешься в смерти.

— Значит, ваш ответ на вопрос «какими словами молиться» это — «Господи, помилуй»?

— «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Или просто: «Господи, помилуй». Потому что, если нет сил на полную молитву — говори кратко.

— Есть еще другие краткие молитвы. «Слава тебе, Господи», или расширенный вариант: «Слава тебе, Господи, достойное по делам моим приемлю».

— Знаете, мне нравится одна молитва, которой молился Иоанн Златоуст. Она меня просто до небес поднимает, но сам я ей молиться не могу. Я знаю, что он молился ей искренне. Кому-то дано такое — мне такое не дано, но я знаю, что это счастье — говорить его слова. Молитва его была такая: «Слава Богу за всё!» И он добавлял еще очень важное слово, которое мы никогда не добавляем: «Аминь» — т.е. «истина». А вы знаете, какая у него жизнь была? Я всем рекомендую прочитать книгу «Крестный путь Иоанна Златоуста». Это страдания. Как болел, что с ним

было — вы почитайте, и вам станет легче. Он будет с вами. Благодарность очень много дает, но всё-таки «Слава Тебе!» — это уже дар, который, мне кажется, дается людям, которые первый шаг сделали, которые сказали «Помилуй!».

— «Слава Богу» — это очень сильное средство против ропота, который нас мучает.

— Я согласен. Но это средство годится тем, кто уже сказал «Помилуй!».

Вы же мне сказали, что мы говорим для людей, которые далеки от веры. Мы дадим им эти слова благодарности, а они еще и милость не приняли.

— Лично мне, прежде чем просить «Помилуй», приходится сначала сказать «Слава Богу», чтобы снять ропот. Ведь ропотливая молитва не принимается, и это ясно чувствуется.

— Знаете, я про себя скажу. Может быть, вы так можете, но я — человек лукавый и хитрый, я могу сказать «Слава Богу», когда мне больно, только притворяясь — сердцем не могу.

— Что можете еще сказать по поводу работы над собой для ослабления страданий?

— На боли не нужно сосредотачиваться. Не нужно ограничивать всю свою жизнь этой болью. Скажем, болит зуб. Днем, пока ты работаешь, он болит не так сильно, но стоит тебе сосредоточиться на себе, лечь в кровать спать — эта боль вдруг возрастает. Это про-

стой, но ясный приме того, что если ты сосредотачиваешься только на своей боли — она тебя убьет.

Поэтому я советую даже в болезни искать какого-то дела. Ищите всё, что возможно, старайтесь трудиться. Хоть вяжите. Это отвлечет ваше внимание. Сосредоточенность на боли усиливает боль. Используйте любое здоровое занятие, которое занимает ваше внимание. Боль напомнит о себе — и всё-равно упорно туда возвращайтесь. Сама привычка возвращаться на работу научит вас отвлекаться, она многое даст.

Еще простые советы. Когда болит у вас, старайтесь попросить милости сначала к другим болящим. Потому что боль как бы замыкает человека на себе. Этим разрывается наше одиночество.

Еще одиночество разрывается благодарностью за тех, кто еще не болеет: «Господи, слава Тебе, что есть еще здоровые. Как хорошо».

— Может, расскажете подробнее о таинстве причащения, которое вам так помогает?

— Да. Я могу вот чем обнадежить людей, которые никогда с верой не встречались. Начало веры — это как «первая любовь» — самая благодатная, где совершается много удивительного.

— Чем «начало веры» похоже на первую любовь?

— Понимаете, у нас люди разделяют веру и любовь. Первая вера — это есть первая влюбленность. И упрек одного из ангелов к одной церкви был: «Ты

потерял первую любовь», вот эту остроту ощущений... Собственно, мы все теряем. Человек приходит в храм — он потрясен всем: и силой, и глубиной и широтой... А потом проходит время, год, два, и всё это становится пресным, обыденным. И нужно опять от предательства этого своего говорить: «Господи, я опять Тебя предал, я опять Тебя забыл, я к Тебе привык. Прости меня». Т.е. идет возвращение этой первой любви.

Сейчас люди вообще говорят: «Я тебя разлюбил» — и как бы это приговор отношениям. Да нет, это продолжение их. Без предательств у нас не бывает отношений, поэтому ты скажи: «Господи, я предал первое чувство».

И если еще не было каких-то острых переживаний в вере, первый приход в храм очень многое может открыть. А обращение к таинству причащения — особенно. Подойти с доверием, как ребенок: «Господи, я не знаю даже, pomoжешь Ты или нет, я иду соединиться с Тобою» — ничего лишнего добавлять не нужно, каких-то обетов, обещаний не навешивать — «Иду, как дитя, которое еще не испытало жизни. Я не хочу вникать «как» и «что», я просто иду с Тобой на встречу». Это может изменить очень многое.

Больному проще. Когда человек здоров — ему нужно поститься, а болезнь сама есть пост. Если больной просто доберется до причастия — я считаю, что всё необходимое выполнено, и он уже может причаститься без всяких особых подготовок.

Считаю это величайшим средством, но, опять-таки, не могу сказать это всем. Знаю людей, которые говорят: «А я брезгливый». Какая-то мелочь может это заслонить. Много чего есть в душе. Всё-таки здесь должен быть определенный труд человека. Какой? Я не должен его подталкивать, приманивать, он должен переступить через эти препятствия. Они не простые, потом он их заметит (всякие «трудности», которые не допускают его). Переступить, довериться, впустить в свою жизнь Христа. Сильнее ничего быть не может. Все остальное, о чем я говорил — намного слабее.

— В том числе и в плане ослабления боли? — Да.

